

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)

**ПРОЕКЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
В ПРОЗЕ ВЛАДИМИРА СОРОКИНА**

Андрей Николаевич Безруков

кандидат филологических наук

доцент кафедры филологии

Башкирский государственный университет, Бирский филиал

Бирск, Россия

in_text@mail.ru

В статье осуществлена попытка конкретизировать важность проблемы национальной истории на примере прозы Владимира Сорокина. Поэтика постмодернизма в большой массе своих источников – Венедикт Ерофеев, Саша Соколов, Виктор Пелевин, Татьяна Толстая, Виктор Ерофеев, Дмитрий Глуховский – видоизменяет классическое понимание пути развития современной России, при этом внешне открытые номинации пространства и времени становятся только поводом к серьезному размышлению в модернистских тонах. Цель работы сводится к дешифровке национальной истории в мировоззренческих ориентирах В. Сорокина. Ее ход для писателя, как в малом формате, так и романных конструктах, обречен на фатализм, воплощение обреченности. Факторы прошлого, реальность настоящего, день завтрашний сбиваются в единую точку, контрапункт, выхода из которого практически нет. Владимир Сорокин акцентирует, что у России своя особая история, свой процесс становления, своя жизнь. Следовательно, проекция национальной истории в прозе Владимира Сорокина зафиксирована как некий

переход социально-философского порядка. Именно это дает основание говорить о «настоящем» в режиме вариативной перспективы, которая так или иначе будет далее трансформирована и воплощена в иных фронтах.

Ключевые слова: современная русская литература, постмодернизм, национальная история, малая проза, нарратор, Владимир Сорокин, «Метель», рецептивная критика, автор, эстетика чтения.

THE PROJECTION OF NATIONAL HISTORY IN VLADIMIR SOROKIN'S PROSE

Andrei Nikolaevich Bezrukov

Candidate of Philology

Associate Professor of the Department of Philology

Bashkir State University, Birsk branch

Birsk, Russia

in_text@mail.ru

The article attempts to specify the importance of the problem of national history on the example of Vladimir Sorokin's prose. The poetics of postmodernism in a large mass of its sources – Venedict Erofeev, Sasha Sokolov, Victor Pelevin, Tatyana Tolstaya, Victor Erofeev, Dmitry Glukhovsky – alters the classical understanding of the development of modern Russia, while externally open nominations of space and time become only an occasion for serious reflection in modernist colors. The purpose of the work is to decipher the national history in the worldview guides of Vladimir Sorokin. Its move for the writer, both in small format and in novel constructs, is fated, impending doom. The factors of the past, the reality of the present, the day of tomorrow are brought together in a single point, a counterpoint, from which there is practically no way out. Vladimir Sorokin emphasizes that Russia has its own special history, its own process of formation, its own life. Consequently, the projection of national history in Vladimir Sorokin's prose

is recorded as a kind of transition of the socio-philosophical order. This gives the reason to talk about the "present" in the mode of variable perspective, which in one way or another will be further transformed and embodied in other frontiers.

Key words: postmodernism, Modern Russian literature, national history, small prose, narrator, Vladimir Sorokin, «The Blizzard», receptive criticism, author, aesthetic reading.

Эстетика чтения современных художественных текстов зачастую определяется синтетической, фактурной, экспериментальной природой рецепции. На наш взгляд, новейший литературный процесс в ряде художественных форм является сферой конкретизации и уточнения проблем, тяготеющих к типичному, завершеному, а также дешифрованному. Отметим, что в начале XXI века в России и Европе начинается интенсивное движение к компиляции вариантов онтологического порядка, происходит смена эстетических систем, что также определяют иное понимание, трансформацию национальной истории. При этом объективно адекватным остается вновь художественное сознание, фиксирующее гибельность, растворение в имманентном пределе сущности бытия. Следовательно, история как таковая стремится не к идеальности, концептуальности и образцу, но к сближению существующего миропорядка с Хаосом, далее, принятию выверенной магистрали стабилизации мира принципа деструкции.

Одним из реформаторов новой художественной реальности, созидателем некоего открытого пространства, условного художественного времени становится яркий представитель концептуализма и постмодернизма – Владимир Сорокин. Отметим, что стиль Сорокина близок не наносному сбросу в текст языковых клише и уже готовых стандартов, он стремится к серьезному обдумыванию актуальных вопросов бытия, современной российской действительности, истории как таковой.

Мир реалий в творчестве писателя не всегда является идеальным, но в ряде текстов впечатляет и завораживает. Например, весьма удачно воссоздан

фон в романе «Норма»: «поле уходило вдаль, растворялось в тумане, а он, густой как молоко, парил над всем, тянулся, переходя в мутно-серое небо. Пахло сыростью, подгнившим сеном и осенью – той самой, знакомой до боли, бесповоротно наступившей, холодящей виски и пальцы, лёгким ознобом затекающей в широкие рукава плаща, перекликающейся унылыми голосами невидимых птиц» [Сорокин, 2008, с. 163]. Как необычайно правильно, естественно и реалистично прорисована картина русского пейзажа, несомненно, здесь угадывается стиль и С. Т. Аксакова, и И. С. Тургенева, и И. А. Гончарова, и М. М. Пришвина.

Художественная перспектива текстов Владимира Сорокина имеет оттенки мифа, но мифа, созданного в новых исторических условиях. Мифа, который стремится к формату сказочности. И в данном случае, не следует забывать о факторе «десакрализации – важнейшем стимуле для превращения мифа в сказку» [Мелетинский, 2006, с. 264]. Эстетический смысл современного объекта, следовательно, становится гораздо объемнее, вычурнее и сложнее. Вероятно, в этом и заключается потенциал настоящего, вариации которого аккумулируют весь имеющийся опыт, всю имеющуюся практику, вырабатывая при этом новую парадигму оценки миропорядка.

Творчество Владимира Сорокина может быть дифференцировано на два основных периода: период реализации принципов концептуализма (границы 1980-90-х годов) и время манифестации синкретической поэтики (период 2000-х). Первый достаточно объемно изучен и представлен в критике, ибо является ученическим, второй же интересен своей незавершенностью, вероятностным желанием Владимира Сорокина все более погрузиться в эстетический эксперимент. Критические работы О. Богдановой [Богданова, 2018], М. Липовецкого, Г. Нефагиной, М. Рылкина, И. Смирнова, Т. Г. Кучиной [Кучина, 2012], Е. М. Мотеюнайте [Мотеюнайте, 2020] и ряда других [Алтухова, 2018; Лобин, 2015; Рогова, 2019] есть попытка где-то точно, где-то перспективно, где-то собственно концептуально сказать о Владимире

Сорокине как фигуре не только номинативной и знаковой, но и деструктивной, то есть ломающей движение всего литературного процесса современности.

Ввиду этого, актуально обратиться к анализу ряда текстов Владимира Сорокина, чтобы верифицировать проблему становления современной истории, истории, находящейся в так называемом экзистенциальном тупике, безысходности крайнего. На наш взгляд, прав был Венедикт Ерофеев, говоривший: «Остановитесь, добровольцы! Смирите вашу отвагу и внемлите Мне, творящие добро; умеете преодолевать в себе то, чем являетесь вы от рождения, и не будьте доверчивы к импульсам, возникающим безотчетно...» [Ерофеев, 2005, с. 36]. Но Сорокин идет далее, срывает ограничения и завесы, эстетически кодирует номинации банальности. Не случайно в одном из эссе автор обозначил: «Россия была и остается страной гротеска» [Сорокин, 2019, с. 70]. В русле данного манифеста писатель обязывает реципиента работать, настраивает на верификацию и дешифровку понимания сути.

Стоит признать, что воздействие внешних факторов на становление писательской манеры меняет вектор реализации художественного и эстетического замысла. Владимир Сорокин в условиях новой России – в 2000-е годы – конденсирует в текстах политическую атмосферу, идеологический ценз [Сорокин, 2001], культурную магистраль, рубежность отечественной истории [Сорокин, 2015]. Для автора не так принципиально, что будет являться основным или ведущим, все сливается в единый поток фиксации бытия. При этом онтология поступков и желаний героев связана с фаталистичностью сущего и происходящего, безысходностью как контрапунктом метафизики. Дуалистические принципы постмодернизма, онтологический конгломерат идей превращаются в форму дистанцированного наблюдения. Автор в свою очередь ауториально близок эстетической сфере. Механизмы художественной поэтики Владимира Сорокина, таким образом, контекстуально расширяют пределы понимания проблемы исторического генезиса. На наш взгляд, и это немаловажно, динамика авторского стиля и языка ситуативно связана с изменениями массового сознания, желанием современного человека

синтезировать собственно «свое» в потенциально «чужое». Сам писатель отмечал в ряде интервью то, что эстетические оппозиции позволяют ему достичь некоего уровня свободы/выбора, которая так необходима для раскрепощения как авторского сознания, так и сознания потенциально заинтересованного, увлеченного читателя.

Инстинктивное желание метафорическое и условное превратить в концепт у Владимира Сорокина начинает проявляться уже в раннем творчестве. Но преодоление буквальности модернистских канонов, переход к поствариантам сложнее в «Дне опричника» (2006), «Сахарном Кремле» (2008), «Метели» (2010). Последний текст концентрирует оригинальный авторский способ художественной наррации – движение от классической модели оценки реалий (аллюзийный фон) к конгломерату художественных мыслей (верификация жизненной правды).

Для Владимира Сорокина особый статус слова был всегда пределом допустимого, стоит вспомнить и «Норму» (1979-1983), и «Очередь» (1983), и «Роман» (1985-1989), и «Голубое сало» (1999). Более поздние тексты/сборники – «Теллурия» (2013), «Фиолетовые лебеди» (2017), «Белый квадрат» (2018) деконструируют уже не только наличный точечный топос, изображаемая художественная реальность выходит за грани очевидного. Таким образом, для Владимира Сорокина важен, интересен и перспективно продуман формат диалога с наследием прошлого/настоящего, который далее трансформируется в свободный строй мыслей, или дискурсивную вариацию.

Отметим, что повесть Владимира Сорокина «Метель» была опубликована в 2010 году. Ее сюжет, как и многое из написанного автором в 2000-х и далее, разворачивается в условно-метафорическом будущем. Ориентир на отображение времени особенно важен для писателя, так как «время – синоним конечности, потому что бесконечное не подлежит счету» [Водолазкин, 2020, с. 108]. Мир, представленный писателем в действенном режиме кадра, весьма загадочен и странен, ибо в нем поймимы реально существующих героев, действуют вымышленные, неживые, мистические. Это усложняет фабулу,

расширяет вектор тематики, позволяет автору свою точку зрения сопоставить с растиражированной, массовой. Заметим, что «формируя отношения между читателем ↔ автором, произведение нарушает условное ожидание с помощью постмодернистской формы, новой эстетической концепции, гибридного языка-мутанта, ирреального пространства» [Безруков, 2018а, с. 39]. Большое количество ассоциативных связей «Метели» в проекции с русской классикой говорит о желании Владимира Сорокина найти адекватный способ оценки современной исторической ситуации, верифицировать дальнейший путь развития России.

Метафизический подтекст повести, вероятно, заключен в нарративной стратегии пишущего. Ибо неслучаен заголовочный комплекс, который реминисцентно настраивает на философскую прозу А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. А. Бунина, А. И. Куприна, М. Горького, М. А. Булгакова и других художников XIX – XX веков. Несмотря на то, что Владимир Сорокин не стремится к буквальной копии исторической реальности, как это было воссоздано, например, у Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, А. П. Чехова, и все же бессознательный диалог [Безруков, 2018б] сорокинской эстетики с рядом альтернативных позиций имеет место.

Стоит заметить, что русская литература XIX века не беспристрастно во множестве знаковых имен декодировала так называемую историческую перспективу России, искала некий уникальный исторический путь. На наш взгляд, ближе всего расшифровку этого все же сделал А. С. Пушкин. Он смог предугадать, пророчески предвидеть, а в текстах кристаллизовать особенности психологического типа национальной фигуры, обозначить маркеры универсалий русского человека – человека непростой судьбы, человека, желающего достичь чего-то явно большего, нежели банального воплощения реального факта.

Самодостаточность повести Владимира Сорокина «Метель» заключена в неторопливом эпическом стиле, который картину русской жизни воссоздает как

мозаику неслучайностей. Стоит согласиться, что «в художественной концепции консолидируются те качества, которые придают произведению определенный ценностный статус, составляют его ценностное ядро, которое в «снятом» виде содержит в себе все предшествующие ему ценностные слои» [Проблемы современного сравнительного литературоведения, 2004, с. 37]. Однако, мир пределов для героев «Метели» есть и уникальный абсолют, ведь в литературе начала XXI века формула счастья русского человека так и не выведена. Авторы склонны метафизически теоретизировать, гипотетически склонять читателя к сложным философским доктринам, эмпирику же настоящего времени [Безруков, 2017] усматривать в мифологическом, цифровом, симулятивном [Безруков, 2020]. Примером могут служить тексты Саши Соколова, Виктора Пелевина, Татьяны Толстой, Михаила Елизарова, Михаила Шишкина.

На наш взгляд, проза Владимира Сорокина в русле указанной проблемы выглядит психоделической, ее контуры склонны быть трансформированными. Художественный нарратив, нарочитая коллизия, сам смежно-фрагментарный язык запускает обертоны эстетических колебаний. Если в игровой манере строились «Эрос Москвы», «Тридцатая любовь Марины», «День опричника», «Сахарный Кремль», то «Метель» лишена буквальности таких замещений. Текст повести серьезен непростым сюжетным повествованием, симулятивная реальность допускает множественность временных срезов – настоящее, прошлое, будущее.

При этом автор избирает непростую «форму» описания событий. Метель в тексте и явление природы, и непогода, и состояние, и, безусловно, переход настроений/переживаний на другой лад. Выход, исход по Сорокину возможен, но это настолько гипотетично, что пережить его можно будет в максимально далеком будущем. Стоит усматривать в этом элементы утопии, новой версии классического жанра. В «Метели» факторы мнимости, иллюзорности, условности счастья, при этом и душевного спокойствия, умиротворения буквально наслаиваются друг на друга.

Время текста для Владимира Сорокина относительно, художественная коллизия, вопреки традиционной, не может быть разрешена буквально, на это, как понимаем, влияет постмодернистская поэтика. Ризома, открытость действий вновь ориентируют на литературную классику, правда, там это было несколько иначе, был другой замысел. Реалистическая тенденция диктовала доведение сюжета до логичного финала, подводила читателя к главной номинации. В повести «Метель» ориентир сбив на многоаспектность, так как сочетание разнородных граней – социум, человек, история, настоящее время – моделируют и конгломерат потенциальных коннотаций: «проблема множественности смысла существует... только при условии, если мы принимаем во внимание такую совокупность, в которой соединены между собой события, персонажи, институты, природные и исторические реалии...» [Рикёр, 2008, с. 117].

Русская история, которая порой ступенчато, иногда зигзагообразно или синусоидой реализуется в общебытийном ракурсе, по справедливому суждению Владимира Сорокина, есть путь к множеству самоидентификаций. Оригинально, индивидуально реализуется эта тема у А. С. Пушкина («Капитанская дочка»), Л. Н. Толстого («Война и мир», «Воскресение»), Ф. М. Достоевского («Бесы», «Братья Карамазовы»), Н. С. Лескова («На ножах», «Очарованный странник»), А. П. Чехова («Степь»), И. А. Бунина («Жизнь Арсеньева», «Окаянные дни»). Литеральный характер проблем национальной истории становится лишь поводом к размышлению, следует номинации такой модели и Владимир Сорокин. Неповторим голос писателя не только в действенном интересе относительно темы разговора, но и разрушения стереотипа оценки, тривиальности анализа происходящего. Ценностно это для потенциального возрождения самобытности духа.

Русская мысль, следовательно, не завершает своего движения к искомой истине, вырабатываемой норме, а, наоборот, максимально стремится этого достигнуть. Нивелируя модернизм, социалистический реализм, постреализм,

Владимир Сорокин формирует благоприятное объективно-литературное поле для последующих писателей, мыслителей.

На наш взгляд, современная русская литература находится в состоянии поиска объективных путей конкретизации специфики национальных приоритетов. Лирика, драматургия, проза активно дополняют магистрالی смыслов относительно этой проблемы. И все же идейная составляющая повести Владимира Сорокина «Метель» практически с самого начала цитатно сориентирована на безысходное движение:

«Покойник спать ложится

На белую постель,

В окне легко кружится

Спокойная метель...» [Блок, 1997, с. 122].

Строчки из стихотворения Александра Блока создают не только контекст времени и пространства, хотя и это исторически предопределено, они как бы метафорически объективируют философию русской истории. Поэт уходит в символику векового, она неконкретна, иллюзорна – «года», «дух», «взор», «слух», «отдых», «воздух». Сорокинский же вариант художественной разверстки конфликта балансирует на грани психоделического, фаталистического, метафизического, желаемого.

Таким образом, в прозе Владимира Сорокина явственно наблюдается стремление тему национальной истории, национального самоопределения максимально дешифровать и конкретизировать. Тексты романов, малые нарративные формы, в частности повесть «Метель», есть яркий пример органики постмодернизма с ненаносной игрой смыслами.

Сюжетика сорокинских произведений, ее образный строй базируется на классически адекватной прозе – это аллюзийно А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, А. П. Чехов, И. А. Бунин, А. И. Куприн, М. А. Булгаков. Одновременно с этим Владимир Сорокин формирует и условия для реализации диалога далее на смежную тему, смежный актуальный вопрос. Думается, что проекция национальной истории,

зафиксированная в неких переходах социально-философского порядка, дает возможность сопоставить варианты исходы перспективы, которая так или иначе будет воплощена: «...в жизни... теперь, судя по всему, наступает нечто новое, нелегкое, а вероятнее всего – очень тяжелое, суровое...» [Сорокин, 2015, с. 222].

Библиографический список

1. *Алтухова А.В.* «Метель» В. Сорокина и «Замок» Ф. Кафки: сходные мотивы и образы // Интертекстуальность художественного дискурса: Мат. Всероссийской науч. конф. / Под ред. Е.Е. Завьяловой. Астрахань: Астраханский гос. ун-т, 2018. С. 192-194.
2. *Безруков А.Н.* Венедикт Ерофеев: между метафизикой и литературной правкой: монография. СПб.: Гиперион, 2018а. 226 с.
3. *Безруков А.Н.* Диалог художественных сознаний как верификация эстетических координат (Иван Бунин – Милан Кундера – Карлос Кастанеда – Виктор Пелевин) // Филология и человек. 2018б. № 3. С. 77-88.
4. *Безруков А.Н.* Интерференция художественного времени в прозе постмодернизма // Вояджер: мир человек. 2017. № 9. С. 231-238.
5. *Безруков А. Н.* Специфика постмодернистского письма в повести Владимира Сорокина «Метель» / А. Н. Безруков, Р. И. Айгишев // Филологический аспект. 2020. № 5(61). С. 156-161.
6. *Блок А.А.* Полное собрание соч. и писем в двадцати томах. Т. III. Стихотворения. Книга третья (1907 – 1916). М.: Наука, 1997. 992 с.
7. *Богданова О.В.* Текст, претекст, интертекст: «Метель» Владимира Сорокина. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2018. 42 с.
8. *Водолазкин Е.Г.* Идти бестрепетно: между литературой и жизнью. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. 409 с.
9. *Ерофеев В.* Малая проза. М.: Захаров, 2005. 96 с.
10. *Кучина Т.Г.* Зимняя дорога: стилевая реконструкция метасюжета в повести «Метель» Владимира Сорокина // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 246-249.
11. *Лобин А. М.* Авторские концепции российской истории в русской литературе XXI века. Ульяновск: Ульяновский гос. тех. ун-т, 2015. 310 с.
12. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 2006. 407 с.

13. *Мотеюнайте И.В.* «Антропологический винегрет» в русской антиутопии начала XXI века // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2020. № 1(5). С. 52-70.
14. Проблемы современного сравнительного литературоведения. Сборник статей. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 96 с.
15. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
16. *Рогова Е. Н.* Особенности авторской интенции в «Метели» В. Сорокина / Е. Н. Рогова, Л. С. Яницкий // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 168-179.
17. *Сорокин В.* Москва. М.: Издательская фирма «Ад Маргинем», 2001. 432 с.
18. *Сорокин В.Г.* Метель. М.: Издательство АСТ, 2015. 224 с.
19. *Сорокин В.Г.* Нормальная история: сборник эссе. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2019. 224 с.
20. *Сорокин В.* Норма [роман]: М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008. 413 с.

References

1. *Altukhov, A.V.* (2018). “The Blizzard” by Vl. Sorokin and “The Castle” by F. Kafka: similar motifs and images. Intertextuality of artistic discourse: Materials of All-Russian scientific conference. Ed. by E.E. Zavyalova. Astrakhan: Astrakhan state university: 192 – 194. (in Russian).
2. *Bezrukov, A.N.* (2018). Venedict Erofeev: between metaphysics and literary editing. SP.: Giperion, 226 p. (in Russian).
3. *Bezrukov, A.N.* (2018). Dialogue of artistic consciousness as verification of aesthetic coordinates (Ivan Bunin – Milan Kundera – Carlos Castaneda – Victor Pelevin). Philology and a man, 3: 77 – 88. (in Russian).
4. *Bezrukov, A.N.* (2017). Interference of artistic time in the prose of postmodernism. Voyager: the world of a man, 9: 231 – 238. (In Russian).
5. *Bezrukov, A.N.* (2020). The specifics of postmodern writing in Vladimir Sorokin’s novel “The Blizzard”. Philological aspect, 5 (61): 156 – 161. (in Russian).
6. *Blok, A.A.* (1997). Complete set of works and letters in twenty volumes. Vol. III. Poems. 3rd Book (1907 – 1916). М.: Nauka, 992 p. (in Russian).
7. *Bogdanova, O.V.* (2018). Text, pretext, intertext: “The Blizzard” by Vladimir Sorokin. SP.: St. Petersburg State University Philological Faculty Press, 42 p. (in Russian).
8. *Erofeev, V.* (2005). Short prose. М.: Zakharov, 96 p. (in Russian).
9. *Kuchina, T.G.* (2012). Winter road: a stylistic reconstruction of the metaplot in “The Blizzard” by Vladimir Sorokin. Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 1. Vol. 1 (Humanitarian science): 246 – 249. (in Russian).

10. *Lobin, A.M.* (2015). Author's concepts of Russian history in Russian literature of the XXI century. Ulyanovsk: Ulyanovsk state technical university, 310 p. (in Russian).
11. *Meletinskiy, E.M.* (2006). Poetics of myth. M.: Eastern literature, 407 p. (in Russian).
12. *Moteyunaite, I.V.* (2020). "Anthropological vinaigrette" in Russian anti-utopia of the beginning of the XXI century. Palimpsest. Literary Journal, 1 (5): 52 – 70. (in Russian).
13. Problems of modern comparative literature. Collection of articles. M.: IMLI RAS, 2004, 96 p. (in Russian).
14. *Ricoeur, P.* (2008). The conflict of interpretations: essays in hermeneutics. Transl. and commented by I.S. Vdovina. M.: Academic Project, 695 p. (in Russian).
15. *Rogova, E.N., Yanitskiy, L.S.* (2019). Features of the author's intention in "The Blizzard" by Vl. Sorokin. Siberian Philological journal, 4: 168 – 179. (in Russian).
16. *Sorokin, Vl.* (2001). Moscow. M.: Ad Marginem, 432 p. (in Russian).
17. *Sorokin, Vl.* (2015). The Blizzard. M.: AST Publisher, 224 p. (in Russian).
18. *Sorokin, Vl.* (2019). Normal story: the collection of essays. M.: AST Publisher: CORPUS, 224 p. (in Russian).
19. *Sorokin, Vl.* (2008). The Norm [novel]. M.: Astrel: AST: Khranitel, 413 p. (in Russian).
20. *Vodolazkin, E.G.* (2020). To go intrepidly: between literature and life. M.: AST Publisher: Elena Shubina's editorial office, 409 p. (in Russian).